

■ НОВАЯ КНИГА

Зигмунд Фрейд

ПИСЬМА МАРТЕ БЕРНАЙС ИЗ ПАРИЖА И БЕРЛИНА

(октябрь 1885 – март 1886)

Настоящее издание представляет небольшую подборку писем Зигмунда Фрейда к своей невесте Марте Бернайс за период с октября 1885 года по конец марта 1886 года. Эти пять месяцев — время научно-образовательной стажировки 29-летнего Фрейда в клиниках Парижа и Берлина.

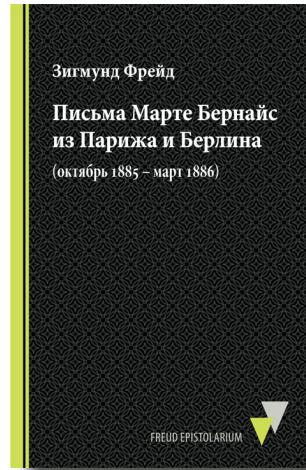
К этому времени Зигмунд и Марта были помолвлены уже три с половиной года. Их отношения не без драматизма развивались, были полны надежд и планов на будущее, отличались искренностью и духовной близостью. Все это находит отражение в их обширной переписке, немецкое издание которой составляет пять многостраничных томов.

Публикуемый фрагмент, включивший в себя лишь 16 писем Фрейда к Марте, характеризует один из важнейших периодов его профессиональной жизни. Случившийся поворот в мышлении молодого ученого связан, прежде всего, с личным знакомством с профессором Жаном-Мартеном Шарко, французским неврологом, выдвинувшим революционные подходы к исследованиям феномена гипнотизма и природы истерических расстройств. На Фрейда встреча с Шарко произвела огромное впечатление; об этом он сообщает своей невесте, подробно описывая детали своей работы у мэтра, посещения его дома, знакомства с рядом парижских деятелей культуры и науки.

Письма Фрейда из Парижа являются своеобразным, почти журналистским, отчетом, адресованным, однако, лишь одному читателю, они содержат развернутые описания посещений театров, музеев, прогулок по городу. Фрейд насыщается Парижем, вдыхает его республиканский свободолюбивый воздух, что благотворно влияет на его самочувствие и продуктивность в научных исследованиях.

Впечатления о продолжении стажировки в Берлине были не такими яркими, как от Парижа. Здесь Фрейд знакомится с опытом работы детской клиники, знакомится с ведущими врачами больницы Шарите, продолжает работать над начатым переводом книги Шарко, все менее блестяще, но достаточно строго.

Представленные письма Фрейда раскрывают часть его личной истории, контексты, переживания впечатлений, повлиявших на коренной поворот в его научном мышлении, после которого он начинает строить новую науку, названную впоследствии психоанализом.

ISBN 978-5-98904-310-1
84x108 1/32
92 с., обложка

■ Ex ERGO LIBRIS

ЖАННА ЛАМПЛЬ де ГРООТ «К ПРОБЛЕМАМ ЖЕНСТВЕННОСТИ»: ЦИТАТА...

Нам известно, что все либиго изначально размещено в индивиде; мы называем это состояние состоянием первичного нарциссизма новорожденного (см. Фрейд: «К введению нарциссизма»). Если индивид любит объект активно, он загружает его либиго. Наступает обеднение нарциссического резервуара, которое индивид может вынести, только если имеется достаточно сильный нарциссизм, чтобы можно было претерпеть потерю без вреда для личности, либо если со стороны объекта осуществляется достаточное вознаграждение за эту потерю в форме ответной любви. Таким образом, через любовь другого человека снова происходит усиление нарциссизма. Если индивид претерпевает любовное разочарование, он оттягивает свое либиго обратно с объекта и снова прилагает его к своему Я (как вторичный нарциссизм). Кажется, должна быть в наличии определенная мера или определенная интенсивность либидинозной загрузки, чтобы стало возможным рассылание либиго, т. е. активная объектная любовь. Если нарциссизм каким-то образом был ущемлен, индивид должен попытаться снова его усилить; он должен позволить объекту любить себя, пассивно ему отдаваться. Таким образом, поначалу кажущийся столь странным факт, что существуют стремления либиго с пассивными целями, объясняется потребностью человека увеличивать свой нарциссизм или, по крайней мере, удерживать его на определенном уровне. Однако требование любви от другого человека, которое должно усиливать нарциссизм, одновременно создает особо сильную зависимость от объекта. Должен наступить интенсивный страх перед потерей любви, поскольку любовное разочарование означает ущемление любви к Я, новую нарциссическую обиду.

Зигмунд Фрейд

**Письма Марте Бернайс
из Парижа и Берлина**
(октябрь 1885 – март 1886)

Зигмунд Фрейд и Марта Бернайс

■ | **ЗАКАЗ КНИГ**

Интернет-магазин «ERGOlibrum»:
www.ergolibrum.ru

| 12 |

Париж, вторник, 2 февраля 1886 г.

Любимое мое сладкое сокровище

Ты пишешь так прелестно и разумно, и каждый раз я успокаиваюсь, когда ты о чем-то высказываешься. Я даже не знаю, как тебя благодарить; в последнее время я дал тебе зарок заботиться о тебе еще в одном особом смысле; ты будешь смеяться; а именно: не хотеть быть больным. Дело в том, что моя усталость — это такая легкая болезнь, ее называют неврастенией, происходит от трудов, забот и волнений последних лет, и она всегда проходила у меня словно по взмаху волшебной палочки, когда я был с тобой. Значит, отсюда следует, что я должен стараться, чтобы довольно скоро проводить с тобой много времени, а поскольку это едва ли получится без женитьбы, я должен трудиться, чтобы скоро иметь знаменитые три тысячи гульденов в год; а поскольку я не лишен усердия, и перспективы не дурны, я не чувствую себя несчастным и не беспокоюсь о своей нервозности.

Меня очень радует твое свидетельство, что я думал об истории с гонораром^[1]. Я действительно попался не из-за отсутствия мыслей, а из-за noblesse^[2]. Едва ли можно сказать что-то другое, любимая, нежели то, что говоришь ты. А именно, что мы молоды и должны платить за обучение. Ответ на письмо^[3] книготорговцу я еще не получил. Поначалу я даже стыдился писать тебе об этой истории, только потому что она меня все же сильно разозлила, я не смог о ней умолчать.

Новость дня — очень любезное письмо от Оберштайнера^[4], на благополучие которого, как ты знаешь, я возлагаю некоторые, еще не определенные намерения надежды. К примеру, он делится со мной тем, какие сейчас в Вене происходят научные скандалы. Венский круг в высшей степени приличных людей очень приятен мне и в воспоминании.

Письма Марте Бернайс из Парижа и Берлина

Тем не менее нельзя становиться таким дурным, каким тебя хотят сделать люди, только осторожным. Поводом к письму явилось то, что он хочет иметь сведения о статутах здешнего общества врачей, которые я, пожалуй, смогу предоставить ему уже сегодня вечером. Дело в том, что сейчас шесть часов, а в половине десятого я, как ты знаешь, иду к Шарко, не без ужаса перед тем, что сегодня развлечусь очень плохо. Приготовления сегодня, конечно, были менее значительными, чем в первый раз, тем не менее я был настолько выбит из колеи, что совсем не работал.

Я принял немного кокаина, что делает меня болтливым, женушкой. Пишу дальше и остановлюсь на твоей критике моей бедной персоны. Знаешь, как странно сложен человек: его добродетели часто дают росток к его порче, а его пороки делают его счастье? То, что ты пишешь о характере Бернайсов, совершенно правильно. Но у меня нет оснований это бранить. Этому преувеличению, в котором ты сама так прелестно сознаешься, я обязан своим счастьем, ведь иначе я никогда не набрался бы мужества ухаживать за тобой. Счастье ли это и для тебя, давай не будем исследовать. Но если кто-нибудь спросит меня, что бы со мной было, если бы мои переживания должны были бы завершиться сегодня, он услышит, что несмотря на все это: бедность, медленные успехи, мало благосклонности от людей, сверхбольшая чувствительность, нервозность и заботы, — я все же был счастлив, счастлив простым ожиданием, что буду обладать тобой, и уверенностью, что ты меня любишь. Я всегда был искренен с тобой, не правда ли? Я даже ни разу не воспользовался тем, что обычно позволено по отношению к персоне другого пола, — показывать себя с лучшей стороны. Я долго-долго толковал и порицал тебя, и закончилось тем, что я не желаю ничего иного, кроме как иметь тебя и иметь такой, какая ты есть.

Ты действительно полагаешь, что я столь симпатичен наружно? Смотри, я в этом очень сомневаюсь. Я думаю, во мне замечают что-то чужеродное, и главная причина этого в том, что в юности я не был юн, а сейчас, когда на-